

ФЕНОМЕН ГОЛИ ОТОК И ТОТАЛИТАРИЗМ

Ясмина Мойсиева-Гушева

Институт македонской литературы, Македония

The Article is dedicated to the phenomenon Goli Otok which refers to the regime of Tito's Yugoslavia as well as to all totalitarian societies. It emphasizes in particular that the threat of falling into totalitarianism is tightly connected with the crises of political authority. In the case of Goli Otok crises is a result of the two totalitarian leaders Tito and Stalin. The mechanism of totalitarian system functioning is described as maintaining its rule by imprisonment, physical and psychical mistreat, humiliation and destruction of innocent people. As illustration, is the memoir and Romanesque creations of past prisoners of Goli Otok, who explicitly speak on this topic only after Tito's death and the ruin of his regime.

События в Голи Оток¹ – крайность, результат искусственно спровоцированного сумасшествия, возможного только при тоталитаризме. Они замалчивались вплоть до падения режима Югославии. Заговорили о Голи Оток открыто только с 1988 г., после выхода в свет двух книг бывших заключенных – книги М. Симича «В Голи Оток» и исповеди М. Поповича «Уничтожь банду», опубликованной посмертно. Большую роль в этом сыграл и документальный фильм Д. Киша (1989), посвященный женщинам из Голи Оток. «О Голи Оток говорили и писали и раньше, но тайком и опираясь на чужие свидетельства», – подчеркивает одна из собеседниц Киша Жени Лебл (Lebl 1990: 7).

Идея «красной голгофы» в качестве периферийного мотива появлялась в литературе и прежде, но без называния конкретных имен, как, например, в романе Драгослава Михаиловича «Когда цвели тыквы» (1968). В 60-е гг. складывается особая атмосфера, благодаря которой все события и поступки людей трактуются критически. Публикуются художественные произведения, объясняющие суть тоталитарного режима, который Хана Арент именуется радикальным злом (Bernstin 2002: 76). Речь идет о новом феномене, характерном для тоталитарных режимов, – о превращении человека в придаток системы. Гораздо позже, после смерти Тито, в десятой части романа «Мгновение. 2. Разговоры с Чеперко» (1982) Антоние Исакович заговорил об этой проблеме открыто. Однако и тогда люди, побывавшие в Голи Оток, упорно отказывались свидетельствовать, ощущая прессинг режима.

Впервые об этой запрещенной теме в Македонии заговорил Йордан Плевнеш в драме «Mazedonische Zustende» (поставлена в 1984 г., опубликована в 1987 г.), где поднимается проблема абсурдных сталинистских чисток. Впоследствии появляются сборники воспоминаний бывших узников Стояна Ристеского «Голгофа в Голи Оток» (1991), Димче Найческого «Свидетельства о Голи Оток» (1999), поэма Николы Ключева «Каменный остров» (1994), романы Томе Арсовского «Дом на четырех ветрах» (1991), Александра

© Я. Мойсиева-Гушева, 2006

¹ Голи Оток (с хорв. «голый остров») – название концентрационного лагеря. Располагался в северной части Адриатического моря на малоприспособленном для жизни (из-за отсутствия пресной воды) острове, площадью 4,7 кв.км. В период тоталитарного коммунистического режима Й.Б. Тито, после принятия резолюции Информбюро «О положении в коммунистической партии Югославии» (1948), в которой критиковалось руководство КПЮ за бюрократизм внутри партии, отход от марксизма-ленинизма, оппортунизм, на острове были заключены партийные деятели, поддерживавшие И.В. Сталина. В лагере находились также представители националистических партий, люди демократических взглядов, студенты, видные интеллектуалы, которых УДБА считало опасными для режима Тито. Лагерь для политических заключенных был открыт в июле 1949 г., последний репрессированный покинул его в 1955 г. За годы политических репрессий через лагерь прошли около 35 тыс. заключенных. Приблизительно 25% заключенных погибли во время отбывания наказания, столько же людей умерло после освобождения от болезней, полученных в лагере. С 1955 г. Голи Оток превратили в тюрьму для лиц, осужденных за тяжкие преступления, в 1988 г. он перестал функционировать как тюрьма.

Алексиева «Девять кругов ада» (2000), Виктории Гаго «Сатурн возвращается» (2001), выходят вторая часть романа Алексиева «Балкон ни на небе, ни на земле» (2003) и книга Драгицы Найческой «Пожизненная петля» (2004). Начинают говорить о конкретных личностях и событиях, а с падением тоталитарного режима замалчивание этой проблемы прекращается.

И это неудивительно, потому что сила тоталитарной системы заключается именно в «железном занавесе» молчания, как утверждают все непосредственные участники событий в Голи Оток. Они находились в полной изоляции: были запрещены посещения, письма, посылки. Люди не могли узнать причину ареста, свою дальнейшую участь, были лишены возможности думать о будущем. Беда могла коснуться каждого, никто не обладал иммунитетом против беспричинного ареста. Основанием могло стать, например, путешествие за границу, побудившее завистливых соседей написать донос. Все в этой больной черной точке тоталитарного режима было основано на ужасающей лживой фикции.

Поступки всемогущей официальной власти находились под покровом тайны, что это давало возможность скрывать истинные события и скандалы в высших политических кругах. Мелкий же партийный и полицейский аппарат был настолько брутален, что у него не возникало даже и необходимости лгать. Нужно только поступать согласно инструкции УДБА²:

Если кто-то говорит что-то против народа и правительства, ты сразу должен прийти к нам и заявить на него. Если этот человек на правильном пути, у него есть защита, если нет – тогда твое заявление поможет нам разоблачить врага народа. Если ты не заявишь на него – значит, ты и сам враг народа ... (Lebl 1990: 52).

Только высшие круги власти создают такую систему пропаганды, для которой характерно абсолютное презрение к фактам. Согласно их пониманию, факт полностью зависит от воли человека, породившего его. Наиболее эффективная выдумка диктатуры времен Голи Оток – обвинение людей в предательстве. Этот демагогический трюк настолько прозрачен, что не существует никаких доказательств вины заключенных. Но это и не важно, потому что процветание тоталитарной власти возможно лишь тогда, когда происходит бегство от реальности в ложь лидеров. Тоталитарные режимы не могут построить полностью последовательную картину мира, которая не находилась бы в серьезном противоречии со здравым смыслом. Все рассказы и исповеди осужденных из романов Лебл, Алексиева, Арсовского и др. похожи друг на друга, обвиняемые говорят одинаковыми фразами, в одних выражениях описывают допросы:

- Твою мать убили немцы?.. А почему и тебя не убили?...

Я была растеряна, удивлена, испугана, поражена. Через много-много лет я прочитала где-то, что следователи УДБА всегда нащупывают самые больные места заключенных. И вновь мне не дали закончить фразу.

- Эй, банда, сначала здесь посидишь...

Тогда я в первый раз услышала слово «банда» и узнала, что «банда» - это я. Сильное слово. Какой бандитизм мне приписывают? Не потому ли это, что я еврейка? (Lebl 1990: 30-31).

...ожидание допроса длилось бесконечно, или, по крайней мере, мне так казалось? ... И пока мы шли по коридору, я ни о чем не думал, ничего не чувствовал, словно сдувшийся воздушный шарик. Конвоир подтолкнул меня плечом, и я оказался в темной канцелярии.

---

² УДБА – Управление государственной безопасности.

Двое набросились на меня с криками и руганью. Один ударял меня по лицу, а второй бил плеткой или чем-то подобным. Потом ударами повалили на пол. Я чувствовал, что из носа, сквозь пальцы, сочится кровь, потому что инстинктивно, еще при первых ударах, прикрыл лицо ладонями. Они еще несколько раз пнули меня и ушли. Во мне вспыхнула не боль, а протест и презрение, особенно когда вошел конвоир, толкнувший меня. Он зажег лампу и издевательски изобразил удивление, что меня избил, ведь побои здесь запрещены... (Алексиев 2000: 63).

Говорили, что учителя в те дни били по сорок восемь часов кряду. Менялись следователи, соседи по камере, соглядатаи, профессиональные провокаторы и перевоспитанные подлецы. Ему сообщили, что она, курва, оказалась умнее, развелась с ним, бросила. «Даже она тебе не доверяет, дерьмо шпионское!» По требованиям других родителей его маленького сына отчислили из школы, чтобы не оказывал дурного влияния на других детей. Яблоко от яблоньки недалеко падает! (Арсовски 2004: 136).

Массы, жаждущие разоблачений, принимают на веру невероятные обвинения как бесспорное доказательство вины, хотя с точки зрения здравого смысла очевидны противоречивость и бессмысленность этого «кафкианского процесса».

Ощущение нереальности происходящего есть у всех героев романов.

Я был уверен, что речь идет о каком-то недопонимании или мелком недоразумении, которое быстро разъяснится. Я настолько был ошеломлен, словно меня внезапно ошпарили кипятком, и все больше терял почву под ногами (Алексиев 2000: 15).

Судорожно вдыхаю, меня захлестывает обида: я действительно арестован. Как они посмели, на каком основании? Кто меня обвинил? Кому это пришло в голову? Посмотреть бы ему в лицо, если он, конечно, существует. Не должен не существовать. Делаю вдох, я убежден: это ошибка. Не буду объясняться с этими гориллами, как от них несет одеколоном (Исаковик 1983: 170).

Судьбы тысяч простых людей, оказавшихся в тюрьмах, зависели от решения небольшой горстки лидеров. А еще сложнее было осознавать, что твоя жизнь и жизнь твоей семьи зависят не только от капризов властных структур, но и от твоих соседей, которых система легко превратила в клеветников. Возникает вопрос – способны ли они рационально рассуждать и принимать правильные решения?

Арендт анализирует обстоятельства, в которых находятся люди при тоталитарном режиме, и приходит к заключению, что все решения принимаются под давлением системы. Решение (и не только в плане этимологии) – это призыв остановить что-то или чему-либо помешать. Позиция для принятия решения не всегда бывает идеально выбрана, и существует вероятность, что принятое решение станет ошибочным. Но если бы не существовала опасность риска, что решение будет неверным или что будет принято не в том месте и не в то время, тогда, конечно же, решение не было бы решением. Следует отметить, что люди, принимающие решение, должны осознавать это риск. Риск имеет существенное значение в структуре любого решения. Нужно избегать чрезвычайных решений, пересматривать их. Это само по себе значит, что любое решение рискует стать легковесным или догматичным. В идеале решения принимаются с надеждой на их абсолютную правильность.

Принятие решения, в сущности, – это актуализация идеала. «Ловушка» в том, что все описанные участники системы – следователи, гэбисты, конвоиры, сограждане – слепо верят в тот идеал, который им преподносят. Основная характеристика людей системы – изоляция и нехватка естественных социальных контактов. Люди системы чаще всего, как

отмечает Генрих Гиммлер, в своей речи, посвященной описанию структуры СС, не приспособлены к жизни, они лишены индивидуальности, собственной морали и принципов и поэтому ни при каких обстоятельствах не способны принять собственное решение. Другие же ассимилируются в массу, благодаря постоянным чисткам, арестам и ликвидации (Арент 1990: 23). Люди ощущают постоянную угрозу, что судьбу обвиняемого повторят все, кто с ним связан – от просто знакомых до близких друзей и родственников. В таких обстоятельствах никто и не пытается помочь обвиняемым. Даже те, кто в состоянии это сделать, как, например, крупный функционер из романа Найческой. Все заранее уверены в скверном исходе.

Неужели мы могли бы пожертвовать своими семьями, чтобы попытаться что-либо предпринять? В этом случае ни он, ни мы не избежали бы одной участи. Все мы были бы ликвидированы вместе с ним. Мы именно потому, что выполняли те же функции, – и я, и брат твой! А вы бы пострадали вместе с нами! И ему не помогли бы (Найческа 2004: 134).

Все друзья обвиняемого сразу же после ареста превращаются в его врагов, потому что вся система задумана по жесткому причинно-следственному принципу: виновен один – значит, виновен и другой – «ты такой же, как и он». Спасая собственную шкуру, они добровольно дают информацию, спеша подкрепить шаткие доказательства обвинения. У доносчиков возникает неудержимая потребность помочь уничтожить обвиняемого только потому, что их жизни в опасности. Они абсолютно не думают о последствиях. Это новый тип преступников: простые, обычные люди, которые совершают преступления в таких условиях, когда почти невозможно противостоять злу. Анализируя их мотивацию, Арент приходит к мысли о банальности зла и тех, кто его совершает. У этих людей нет идеологических убеждений, патологий или бесконтрольной злобы, однако, лишённые тоталитарной системой воли, они причиняют зло (Vila 2002: 51). Действуя именно таким образом, пользуясь чрезвычайными мерами, коммунистические или нацистские системы создают общество индивидов, в котором личность лишена элементарных прав. Ужасающее чувство обмана, одиночества, неуверенности, потерянности, муки наполняет самые черные страницы романов, посвященных Голи Оток. Пострадавшие буквально натравливаются системой друг на друга.

Тогда я в первый раз прошел сквозь этот строй. А сейчас сам стоял в строю. Неважно, сколько раз ты ударял «новенького». Страшно, что ты должен находиться в одной шеренге с теми осужденными, которые, чтобы показать свое раскаяние, готовы умертвить любого, кто живет с ними под одним небом (Арсовски 2004: 135).

Романы изобилуют исчерпывающими описаниями человеческой извращенности, которую здравому разуму сложно себе представить.

Посадить голодную мышь на мой живот, накрыть ее горшком. Она легко может взрыться мне во внутренности. Я кузнечик, мне отрывают ноги и руки, я превращаюсь в обрубок ... Позднее я размышлял, кто впервые использовал пытку на стуле? Нужно только внимательно и равномерно направлять капли воды в теплую человеческую утробу. Вода давит, все кипит ... я истекаю кровью изнутри ... рана растягивается, смотрю беспомощно в потолок – они надо мной (Исаковик 1983: 175-176).

Но ни в одном из романов не анализируется образ диктатора, виновного в тысячах искалеченных судеб. Было бы серьезной ошибкой считать лидеров-диктаторов харизматическими личностями. Правильнее было бы говорить о них как о предводителях бюрократической партии, основа которой – жесткая дисциплина. С ними невозможно

вступать в дискуссию, потому что речи их противоречивы, а слова расходятся с делами. На них работает тоталитарная пропаганда, превозносящая их харизматичность. Но в моменты поражений, как отмечает Арент, врожденная слабость тоталитарной пропаганды становится очевидной. Без террора, являющегося основой движения, члены его сразу перестают верить в догмы и в «харизматические личности», ради которых вчера готовы были пожертвовать жизнью. Логику отношений масс в тоталитарном обществе (возможном только в государствах с большим населением) Хана Арент описывает следующим образом:

В момент, когда ложный мир уничтожен, массы возвращаются назад к своему прежнему статусу изолированных индивидов, легко адаптируются в измененном мире или же погибают от своей невосребованности. Члены тоталитарных движений крайне фанатичны, пока существует само движение, но как только оно угасает, отдаляются от него, этим они отличаются от религиозных фанатиков, умирающих мученической смертью ради идеи. Точнее, они понемногу отходят в сторону, осуждают прежний режим, ища для себя некую иную фикцию, или же терпеливо ждут, пока не окрепнет прежняя сила, чтобы организовать новое массовое движение (Арент 1990: 102).

Вина лидеров заключается в том, что они своими поступками и организованными процессами создают кризисные ситуации, приводящие к тоталитаризму. Это не несчастье, обрушивающееся с неба, а устрашающее, странное, бессмысленное, деструктивное, опасное проявление, которое, как предупреждает Маргарет Канован, легко может поразить и современное общество (Kanovan 2002: 373).

Опасность тоталитаризма связана с кризисом политической власти, а не с ее всесилием, как полагал раньше К. Маркс, призывавший уничтожать те государства, политика которых состоит в насилии как в единственно возможном способе проявления власти. Исторически доказано, что тоталитаризм появляется тогда, когда власть теряет силу, ей угрожает опасность, с которой она не может справиться, именно тогда используется модель насилия. Поэтому, говорит Арент, полемизируя с Марксом, «власть и насилие противопоставлены: когда одна из сторон преобладает, вторая отсутствует» (Jelusić 2002: 131). Насилие – примета кризиса власти. Применение властью насилия в XX в. обусловлено не только ее кризисом – к кризису приводит ошибочное отождествление власти с насилием. Кризис представляет собой благоприятную почву для насилия и образования тоталитарных обществ. Пугает то, что идея тоталитаризма, идея бессмысленного уничтожения до сих пор жива. Эта сила переживает все системы и вновь появляется в условиях политической нестабильности, экономического кризиса, перенаселенности, а точнее, тогда, когда возникает атмосфера, в которой лишней бывает человеческая индивидуальность.

Вопрос «Кто я?» оказывается вдвойне актуальным в кризисной ситуации. В эпоху серьезных кризисов общество отвечает на него: «Ты тот, кем кажешься». Поэтому убеждения лидеров, что они таковы, какими сами себя представляют, имеют успех. В посткризисный период ответ может быть таким: «Ты таков, каким себя сделал». Тогда анализируются совершенные ошибки, возникает желание поскорее исправить их последствия. Однако чрезмерная активность далеко не всегда помогает преодолеть последствия кризиса, зачастую она приводит к противоположному эффекту: становится организующей силой тоталитарных движений, когда террор доминирует над другими формами политической деятельности. Террор в современных условиях становится своеобразной философией, философией разочарования, беспомощности, слепой

ненависти, особого вида политической экспрессии, когда бросают бомбы, чтобы добиться желаемого. Духом террора пронизаны речи лидеров, тех, кого называют «полицейскими мира», кто с очевидным удовольствием «разрешает» все мировые конфликты.

Перевод с макед. Н. Боронниковой, М. Проскурниной

Библиографический список

- Bernstin R.* Refleksije o radikalnom zlu: Arent i Kant / R. Bernstin // *Zatočnici zla: Zaveštanje Hane Arent. Ženske studije.* Beograd: Beogradski krug, 2002.
- Jelušić V.* Zbrka u vezi sa pitanjem nasilja / V. Jelušić // *Zatočnici zla: Zaveštanje Hane Arent. Ženske studije.* Beograd: Beogradski krug, 2002.
- Kanovan M.* Teorija totalitarizma Hane Arent: preispitivanje / M. Kanovan // *Zatočnici zla: Zaveštanje Hane Arent. Ženske studije.* Beograd: Beogradski krug, 2002.
- Lebl Ž.* Ljubičica bela / Ž. Lebl. Gornji Milanovac: Dečje novine, 1990.
- Mihajlović D.* Kad su cvetale tikve / D. Mihajlović. Beograd: BIGZ, SKZ, 1983.
- Popović M.* Udri bandu / M. Popović. Beograd: Filip Višnić, 1989.
- Vila D.* Savest, banalnost zla i ideja reprezentativnog počinioца / D. Vila // *Zatočnici zla: Zaveštanje Hane Arent. Ženske studije.* Beograd: Beogradski krug, 2002.
- Алексиев А.* Деветте круга на пеколот / А. Алексиев. Скопје: Сигмапрес, 2000.
- Алексиев А.* Чардак ни на небо ни на земја / А. Алексиев. Скопје: Сигмапрес, 2003.
- Арент Х.* Изворите на тоталитаризмот / Х. Арент. Скопје: Култура, 1990.
- Арсовски Т.* Кука на четири ветра / Т. Арсовски. Скопје: Македонска книга, 1991.
- Гаго В.* Сатурн се враќа / В. Гаго. Струга: Рубљов, 2001.
- Исаковић А.* Трен 2 / А. Исаковић. Београд: Просвета, 1983.
- Кљусев Н.* Камен остров / Н. Кљусев. Скопје: Матица македонска, 1994.
- Најчески Д.* Голооточки сведоштва / Д. Најчески. Скопје: Менора, 1999.
- Плевнеш Ј.* Mazedonische Zustende / Ј. Плевнеш. Скопје: Наша книга, 1987.
- Ристески С.* Една голооточка голгота / С. Ристески. Охрид: Никола Костески, 1991.